

ПАТРИСИЯ

МОЙЕС

Патрисия Мойес (в девичестве Патрисия Пэкенхем-Уолш) родилась в 1923 году в Дублине. В годы войны служила в Королевских ВВС, а после этого долгое время работала личным помощником знаменитого режиссера Питера Устинова.

Мойес создала яркий образ инспектора Скотленд-Ярда Генри Тиббета, вместе с которым читатель переносится из патриархальной Англии в свободную Америку, с показа высокой моды на цветочный аукцион в Голландию, с экзотических Карибских островов в живописные Альпы...

POINTING PATRIGIA POINTING
MOYES

.....

WHO SAW HER DIE?

.....

ПАТРИСИЯ

МОЙ ЕС

.....
КТО ПОДАРИЛ ЕЙ
СМЕРТЬ?
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М74

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Moyes

WHO SAW HER DIE?

Перевод с английского С. Алукард

Художественное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения The Estate of JS Haszard
и литературного агентства Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency.

Мойес, Патрисия.

М74 Кто подарил ей смерть? : [роман] / Патрисия
Мойес ; [пер. с англ. С. Алукард]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2015. — 384 с. — (Золотой век англий-
ского детектива).

ISBN 978-5-17-090213-2

Пышный букет роз, бутылка дорогого шампанского, экстравагантный торт — в чем содержался яд, убивший леди Бэллок в день ее семидесятилетия? Инспектор Тиббет выясняет: избавиться от престарелой аристократки мечтали все — от дочери, вышедшей замуж за миллионера, до скромной компаньонки. Однако у кого из подозреваемых хватило хитрости и жестокости осуществить почти идеальное преступление?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-090213-2

© Patricia Moyes, 1970
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Глава 1

Апартаменты доктора Дюваля нельзя было назвать роскошными. Однако просто и строго обставленную квартиру отличали со вкусом подобранная светлая мебель и огромное венецианское окно, откуда открывался изумительный вид на Женевское озеро и цепь горных вершин. Все помещение заливал яркий солнечный свет. В маленькой комнате, служившей кабинетом, на изящном письменном столе зазвонил телефон.

Трубку почти сразу же поднял сам доктор, плотный темноволосый смуглый мужчина, вошедший в комнату из смежной с кабинетом гостиной.

— Доктор Дюваль слушает. — Он говорил по-французски, и в его голосе до сих пор слышался грубоватый акцент кантона Вале, хотя доктор уже давно сменил горный район на приозерный и жил теперь вместе с супругой в кантоне Во. — А, это ты, Пьер. Рад тебя слышать... Да, я вернулся. Вчера... Какой ответ, спрашиваешь? Ну а ты как думаешь? «Нет», разумеется... Да, в институте этой проблемой заинтересовались — по крайней мере мне так объяснили. А потом в вежливой форме, когда речь зашла о финансировании научных исследований и наличных... Разумеется, ответ отрицательный. Нет, нет и еще раз

Патрисия Мойес

нет... Не волнуйся, я не слишком сильно переживаю... успел привыкнуть за это время... — Свободной рукой доктор ловко прикурил сигарету и рассмеялся. — Конечно, способы всегда можно найти, мой друг. Можно насобирать денег попрошайничеством, занять у кого-нибудь или даже украсть, чтобы финансировать свой проект... Ну, могу я хотя бы помечтать немного, верно? — Дюваль смотрел куда-то вдаль, поверх гор. — Что ж, очень мило с твоей стороны... Когда? В следующую субботу? Это у нас... — Он взглянул на большой настенный календарь. — Пятнадцатое июня, если не ошибаюсь. Наверное, сможем... В восемь часов... отлично. Надо только посоветоваться с Примроуз*... Она сейчас ушла в магазин, так что я перезвоню позже... Спасибо огромное, Пьер... И привет Симоне...

Не успел доктор Дюваль повесить трубку, из прихожей послышался шум. Доктор тут же перешел на английский, громко вопросив:

— Ты уже вернулась, дорогая?

— Конечно, Эдвард, что за глупый вопрос?

Примроуз Дюваль вошла в гостиную, увешанная бесчисленными свертками и пакетами. Это была типичная англичанка, худая, со светлыми волосами, на вид сорока с небольшим лет. Казалось, если сейчас налетит порыв ветра, то он унесет ее прочь — настолько хрупкой и беззащитной выглядела эта женщина, одетая в неброское платье из ситца и легкий кардиган. Из украшений Примроуз сегодня выбрала единственную нитку жемчуга. «Она и комарика не обидит, не то что мухи», — хотелось сказать о ней при первой

---

* От *англ.* Primrose — примула. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Кто подарил ей смерть?

встрече. Но внешность Примроуз была обманчивой, и муж, разумеется, знал об этом. Его супруга обладала сильной волей, но не железной, скорее из гибкой стали. И, как знаменитый тростник, могла гнуться в любую сторону, но не ломаться при этом.

— Только что звонил Пьер Ре, — сообщил Эдвард Дюваль.

— Сколько раз я просила тебя, Эдвард, обходиться одной пепельницей, а не десятком сразу. — Примроуз сложила покупки на обеденном столе у окна. — Вот посмотри! Четыре пепельницы! В каждую ты стряхнул пепел по разу, а мыть мне придется их все.

— Прости, дорогая.

— Ты извиняешься, но продолжаешь делать все то же самое. Не забывай, у нас с тобой нет домработницы, я убираю квартиру сама. И что же сказал тебе Пьер?

— Интересовался, как прошла моя встреча в Париже, насколько удачной получилась поездка. Пришлось сообщить ему печальные новости. Да, кстати, они с Симоной приглашают нас на обед в следующую субботу. Я сказал, мы обязательно будем.

— Эдвард, ты меня когда-нибудь сведешь с ума. Это просто непостижимо!

— Ну и чем же я провинился на этот раз?

Примроуз принялась изучать свое отражение в большом настенном зеркале. Провела пальцами по светло-пепельным волосам. Недовольно поморщилась:

— По-моему, мне снова пора в Лозанну, надо сделать себе перманент. Итак, еще шестьдесят франков придется изъять из семейного бюджета. А ты сам прекрасно знаешь, почему мы не можем принять

Патрисия Мойес

приглашение и поехать пообедать в субботу с твоими друзьями.

— Почему же?

Примроуз повернулась к мужу и заговорила — спокойно и медленно. Так терпеливая родительница беседует с умственно отсталым ребенком.

— Потому что суббота — пятнадцатое число. День рождения моей мамы. И мы поедem в Англию.

— Вот дьявол!

— Эдвард! Только из-за того, что ты позабыл...

— Нет, не только. Хотя, конечно, я действительно немного запамятовал... Но ты прекрасно знаешь, как я отношусь к твоей матери и в особенности к этой традиции праздновать ее день рождения. Почему, черт побери, мы обязаны каждый год присутствовать на этом представлении?

— Прошу тебя, Эдвард, не заводись. Мы ежегодно ездим к матери, так сложилось, это семейные традиции, и ломать их не нам с тобой.

— У меня будет очень сложная неделя в больнице. Почему бы тебе не съездить одной? Сама и отвезешь торт, из-за которого, собственно, так беспокоится твоя мама. Больше ей от нас, кажется, ничего не нужно. — Доктор Дюваль напоминал сейчас капризного школьника, ищущего любые отговорки, чтобы только не делать того, что от него требует строгая учительница.

— Ведешь себя как маленький ребенок, — заметила Примроуз. — Я позвоню Симоне и все ей объясню.

— Чем быстрее твоя матушка перейдет в мир иной, тем будет лучше для нас всех, — со вздохом констатировал Эдвард Дюваль.

— Ну, она здорова как бык. Свежа как огурчик и еще всех нас переживет, так что эту глупую мысль

Кто подарил ей смерть?

можешь выкинуть из головы, — раздраженно произнесла Примроуз и негромко добавила: — К тому же я ее очень люблю...

— А ты, оказывается, врунишка, моя дорогая, — пожурил супругу доктор, к которому, похоже, вернулось бодрое расположение духа. — Она постоянно тебя конфузит и без конца ставит в неудобное положение. И если бы нам приходилось видеться с ней более раза в году, ты бы первая не выдержала такой пытки. Надеюсь, ты еще не забыла, как она решила навестить нас и прикатила сюда?

Примроуз улыбнулась, продолжая смотреть в зеркало:

— Я лучше позвоню в кондитерскую и узнаю, когда будет готов наш торт.

Доктор улыбнулся отражению жены. Супруги Дюваль всегда прекрасно понимали друг друга.

Маленький голландский домик уютно расположился на небольшом островке, на пересечении каналов, так что являл собой как бы часть целого архипелага. Впрочем, для южной части Нидерландов подобный пейзаж характерен. Земля за домиком была тщательно возделана и превращена в ряды аккуратных грядок. Деревянный мостик связывал этот кусочек суши с таким же соседним, сплошь застроенным теплицами и оранжереями. Это был Алсмер — тот самый, известный аукционной торговлей знаменитыми голландскими цветами. Небольшая деревянная табличка на лужайке извещала, что именно здесь господин П. Ван дер Ховен выращивает свой первоклассный товар для оптового рынка. Излишне было

Патрисия Мойес

бы уточнять, что специализировался он на розах, поскольку это и без того очевидно.

Сейчас Пит Ван дер Ховен в самой большой из оранжерей внимательно рассматривал крупные, изумительной красоты розы сорта «баккара». Темно-красные цветы были высажены ряд в ряд подобно строю солдат в алых киверах на праздничном параде. Сам Пит совсем не походил на строгого военачальника. Крупный, в быту довольно неряшливый. Неровные непослушные пряди волос то и дело падали ему на лоб и закрывали ясные, детски наивные голубые глаза.

Его супруге, прогуливающейся по тропинкам благоухающего сада, он частенько напоминал неуклюжего щенка лабрадора. По-своему трогательного, но временами докучливого. Такого, который виляет хвостом и постоянно трется у ног. Того и гляди, споткнешься об это исполненное нежности и любви существо, готовое день и ночь тыкаться слюнявой мордой тебе прямо в лицо. Вайолет* Ван дер Ховен была аккуратной брюнеткой с тонкими чертами лица, изящными кистями рук и миниатюрными ножками. Ей исполнилось тридцать восемь, и она была на пять лет моложе мужа. Этот факт когда-то весьма взволновал ее старшую сестру, и та даже предсказывала зловещие события в жизни супругов еще во время свадьбы Пита и Вайолет. Но несмотря на мрачные перспективы, обещанные Примроуз, чета Ван дер Ховен жила в мире и согласии вот уже целых семь лет. При этом, казалось, с каждым годом Пит все больше влюблялся в супругу.

---

* От *англ.* Violet — фиалка.

Кто подарил ей смерть?

Услышав легкие шаги Вайолет, спешащей к нему по бетонной дорожке, он оторвался от работы, и его привлекательное лицо осветила приветственная дружелюбная улыбка.

— Дорогая, — начал он, — что ты тут делаешь? Неужели пора садиться за стол? Я опаздываю, да?

Вайолет, в свою очередь, также не смогла сдерживать улыбки: этот щенок явно очарователен!

— Нет, — покачала она головой, — еще нет и двенадцати.

— Как мило ты сегодня выглядишь! — Пит поправил прядь у левого глаза. — Это что, новое платье?

— Вот это? — Вайолет рассмеялась. И добавила с горечью: — Что у тебя за память! Я купила его два года назад в «Си энд Эй». За двадцать пять гульденов.

— Правда? Выглядит потрясающе.

— Сегодня утром я получила письмо от Дэффи, — объявила Вайолет, не меняя тона и нежно поглаживая длинными тонкими пальцами крупный бутон розы.

— Правда? — Пит вернулся к своему занятию. — И что же она сообщила тебе?

— Только то, что сейчас в Париже и занимается тем, что пополняет свой гардероб. Потом они с Чаком намерены вернуться в Штаты. Еще она пишет, что новая коллекция Кардена — настоящее чудо.

Пит усмехнулся, не поднимая головы от цветов.

— Ну хорошо, хорошо, я все понял. К сожалению, моя дорогая, даже самый лучший садовник в Алсмере, выращивающий самые замечательные розы, в наши дни не в состоянии скототить себе большое состояние. И если ты хотела покупать себе вещи у Кардена, а не в магазинах «Си энд Эй», тебе нужно было поступить так же, как и твоя сестра, и выходить замуж за американского миллионера.

Патрисия Мойес

— Очень может быть, — произнесла Вайолет, но так тихо, что Пит не расслышал. И чуть громче добавила: — Надеюсь, ты не забыл о тех розах, которые мы повезем на день рождения маме, да?

— Моя милая, неужели я хоть раз забывал о них? Я специально отобрал для такого случая две дюжины лучших цветков. «Баккара». Вот они, посмотри сама. Я срежу их вечером в пятницу, перед самым нашим отъездом.

— Если уж начистоту, — вдруг заметила Вайолет, — мне кажется, все эти семейные традиции с ее днем рождения — просто чушь какая-то и мамины капризы, ничего больше.

— Тебе так кажется, потому что ты англичанка. А у нас в Голландии к семейным торжествам относятся с трепетом. Мы уважаем такие праздники. День рождения — это очень важно!

— Господи, вот об этом напоминать мне было не обязательно! Но ты только представь! Провести весь день за круглым столом, улыбаясь и разговаривая ни о чем! А в это время родня и друзья-приятели виновника торжества прибывают и прибывают. Хотя некоторые уже уходят. Те, кто появляется, несут подарок ценой в гюльден, зато съедят и выпьют гюльденов на пять, не меньше...

— По крайней мере, — бодро перебил Пит супругу, — день рождения твоей мамы складывается по-другому.

— Слава Богу, это действительно так, — согласилась Вайолет. Она помолчала пару секунд. — Я только надеюсь, в этом году она не пригласит никого из своих ужасных знакомых. Мне хватит нашего семейства. Да одну Долли выдержать трудно, а если мама еще решит повидаться со своими дорогими «горгу-

Кто подарил ей смерть?

льями»... Крошка такая-то, Киска сякая-то, Малютка еще что-то там... И всем далеко за шестьдесят, но все еще крепкие и веселые, и шутить могут, и вспоминают былые дни, и нет конца этим воспоминаниям...

— А мне подружки твоей мамы кажутся очаровательными, — признался Пит.

— Везет тебе, Пит, — покачала головой Вайолет. — Тебя буквально все в этой жизни радует. Так не бывает. Пойду лучше посмотрю, что у нас там с обедом...

Дэффодил* Суошгеймер стояла перед огромным, в полный рост, трюмо в апартаментах гостиницы «Крийон» и, прищурившись, оценивала себя критическим взглядом. Только что служащий отеля бережно перенес в ее номер несколько пакетов с логотипом сети магазинов Кардена. Теперь же Дэффодил одну за другой примеряла обновки и вертелась перед зеркалом, желая понять, насколько удачной стала та или иная покупка.

Впрочем, никаких критических замечаний относительно одежды или собственной фигуры не последовало. Ей исполнилось тридцать три, но безупречной внешностью она до сих пор напоминала модель. Кроме того, она могла похвастаться и светлыми, золотистого оттенка густыми волосами, и нежной гладкой кожей, и правильными чертами лица, и большими темно-голубыми глазами. Все в этой женщине было идеально. Она и в самом деле еще пять лет назад работала манекенщицей, когда познакомилась с Чарлзом З. Суошгеймером, а вскоре вышла за него замуж. В составе делегации из Англии, состоявшей из шести девушек-моделей, рекламировавших совре-

---

* От *англ.* Daffodil — нарцисс.

Патрисия Мойес

менную моду Великобритании в поездке по США, во время коктейль-вечеринки в Нью-Йорке ее представили местному миллионеру Чаку Суошгеймеру.

— Будь с ним поласковой, — шепнула ей одна из подружек-манекенщиц. — Он очень богат. Специализируется на кухонных раковинах.

Дэффодил тут же оценила мистера Суошгеймера с привычными ей хладнокровием и расчетом. На вид седовласому господину было под шестьдесят, однако он оставался по-прежнему собранным и был не слишком уродлив. Правда, разглядеть его объективно было мудрено из-за внешнего лоска, присущего богачам. Мешали безупречный костюм, и умопомрачительный аромат дорогого лосьона после бритья, и неизменный в облике таких людей блеск золота. А блестело у него многое: и запонки, и зажим на галстучке, и зажигалка, и портсигар, и даже несколько зубов.

В тот вечер Дэффодил, подойдя к миллионеру, начала без лишних предисловий, попросту обронив:

— Если не ошибаюсь, мистер Суошгеймер... Кухонные раковины?

Чак был сражен. Как правило, на подобных светских коктейлях никто никогда не упоминал источник его быющего фонтаном богатства.

— Да, а что такое? Да-да, именно этим я занимаюсь, — растерянно подтвердил он.

— В таком случае нас с вами многое объединяет, — объявила Дэффодил. — Мой прадед изобрел в Англии один из первых самоополаскивающихся сливных бачков для унитаза.

— Не может быть! — восторженно воскликнул Суошгеймер. — А мой дед запатентовал отводное коле-

Кто подарил ей смерть?

но Суошгеймера в форме буквы «U» еще в 1906 году. Знаете ли, мисс... э-э...

— Кодуорти, Дэффодил Кодуорти.

— Да-а, мисс... э-э-э... Мисс Дэффодил... Если вы сегодня свободны, почему бы нам не перекусить вдвоем где-нибудь в городе...

Через полгода Чарлз З. Суошгеймер развелся со своей третьей женой миссис Чарлз З. Суошгеймер по причине невыносимой моральной обстановки в доме и несоответствия характеров. Сразу после этого достопочтенная Дэффодил Кодуорти стала четвертой благоверной миллионера. Наконец-то, как утверждал Чак в разговорах с друзьями, он нашел достаточно умную женщину, которая интересуется его работой. Он и Дэффодил часами могли серьезно беседовать на такие темы, как смена фильтров санузла, замена прокладок в кранах, система фильтрации в канализации. Как же Чак сожалел о том, что отец Дэффодил не мог присоединиться к ним, дабы обсудить новые виды дренажных колен! И Дэффи, разумеется, полностью разделяла взгляды супруга.

Примроуз считала сей брак отвратительным фарсом и напоминала об этом сестре при каждом удобном случае. Вайолет молча завидовала сестренке и не отпускала никаких реплик по поводу ее замужества. Правда, ее охватывало настоящее удовольствие в те минуты, когда при их встречах она ловила тоскливый взгляд Дэффодил, с грустью обращенный на сравнительно молодого Пита. Похоже, Пит этого не замечал. Он, разумеется, выказывал восхищение миссис Суошгеймер, но считал Дэффи хоть и симпатичной, но избалованной и вспылчивой куклой, из каковой уже никогда бы не вышло хорошей домохозяйки. А для голландца нет беды пуше.